

DOI: 10.17803/1994-1471.2026.182.1.023-032

М. А. Белоусова*

Раздельное жительство супругов по Германскому гражданскому уложению и российскому Закону 1914 г.: сходство и различия

Аннотация. В статье разрабатывается вопрос иностранного влияния на проект закона о раздельном жительстве супругов в Российской империи, созданный Редакционной комиссией по составлению Гражданского уложения в 1898 г. и отклоненный из-за обвинения обер-прокурора Святейшего синода К. П. Победоносцева в некритическом заимствовании зарубежного института. Автор делает вывод о том, что данное обвинение фактически было основано не на подозрении в заимствовании, а на нежелании церковного ведомства допускать создание светской альтернативы церковному разводу. Посредством сравнения текстов проекта Германского гражданского уложения и российского Закона от 12 марта 1914 г., одобренного Святейшим синодом, выявлено, что в итоговом варианте российского Закона заимствование из немецкого законодательного материала гораздо более явное. Об этом свидетельствуют текстуальные совпадения в перечне оснований для разрешения отклонять требование другого супруга о восстановлении совместного жительства.

Ключевые слова: раздельное жительство супругов; отлучение от стола и ложа; Гражданское уложение Российской империи; Германское гражданское уложение; история семейного права; Российская империя; католичество; Русская православная церковь; Святейший синод; Правительствующий сенат; Канцелярия прошений на императорское имя

Для цитирования: Белоусова М. А. Раздельное жительство супругов по Германскому гражданскому уложению и российскому Закону 1914 г.: сходство и различия // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 1. — С. 23–32. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.182.1.023-032

Separate Residence of Spouses under the German Civil Code and the Russian Law of 1914: Similarities and Differences

Marina A. Belousova, Postgraduate Student, Department of History of the State and Law, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
marina.a.belousova@yandex.ru

Abstract. This paper examines the question of foreign influence on the 1898 draft law concerning the separate residence of spouses in the Russian Empire, prepared by the Editorial Commission for the Compilation of the Civil Code. The draft was ultimately rejected following accusations by the Ober-Procurator of the Holy Synod, K. P. Pobedonostsev, of uncritical adoption of a foreign legal institution. The author argues that this charge was not rooted in a genuine concern over foreign borrowing, but rather reflected the ecclesiastical administration's unwillingness to allow the establishment of a secular alternative to ecclesiastical divorce. Through a comparison

© Белоусова М. А., 2026

* Белоусова Марина Андреевна, аспирант кафедры истории государства и права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова
Ленинские горы, д. 1, стр. 13 (4-й учеб. корпус), г. Москва, Российская Федерация, 119991
marina.a.belousova@yandex.ru

of the texts of the draft of the German Civil Code and the Russian law dated 12 March 1914, approved by the Holy Synod, the author demonstrates that in the final version of the Russian law, the borrowing from German legislative material is manifested far more explicitly. This is evidenced by textual coincidences in the list of grounds for permitting the rejection of a request by one spouse to restore cohabitation.

Keywords: separate residence of spouses; separation from bed and board; Civil Code of the Russian Empire; German Civil Code; history of family law; Russian Empire; Catholicism; Russian Orthodox Church; Holy Synod; Governing Senate; Chancellery for Petitions to the Emperor

Cite as: Belousova MA. Separate Residence of Spouses under the German Civil Code and the Russian Law of 1914: Similarities and Differences. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(1):23-32. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.182.1.023-032

На рубеже XIX–XX вв. в Российской империи обострилась проблема выхода из несчастного брака. Бракоразводное законодательство, основанное на церковном представлении о нерасторжимости брачного союза, предлагало крайне ограниченный и негибкий перечень оснований для развода. Такие серьезные семейные проблемы, как жестокое обращение одного супруга с другим, венерические болезни, невыполнение мужем обязанности по содержанию жены и отказ дать ей возможность добывать пропитание самой, не рассматривались церковью как достаточные для расторжения брака.

При сохранении брачного союза супругам было законодательно запрещено даже неформальное расхождение: согласно ст. 103 ч. 1 т. X Свода законов Российской империи супруги были обязаны проживать совместно. Паспортное законодательство также запрещало выдачу женам отдельных видов на жительство без согласия мужей (ст. 11 Положения о видах на жительство 1894 г.).

Между тем общество менялось, наполнялось новыми идеями о достоинстве женщины, необходимости ее уравнивания в правах и возможностях с мужчиной. Население всё меньше было готово мириться с тяготами постылых бра-

ков и требовало у властных органов (административных и судебных)¹ помощи в семейных разногласиях, а женщины — предоставления отдельных видов на жительство без согласия мужей. И государственным органам, как низовым (волостным судам и земским начальникам), так и высшим (Канцелярии прошений на высочайшее имя, Правительствующему сенату), приходилось разрешать отдельное проживание вопреки законодательному запрету.

Такая правовая ситуация, разумеется, не была терпимой, и неизбежно возникла идея о внесении в законодательство изменений, которые закрепили бы для супругов возможность раздельного жительства по ряду оснований.

В 1897 г. по высочайше утвержденному мнению Государственного совета Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения было поручено создать проект закона о разрешении раздельного жительства супругов и, не дожидаясь составления текста всего Уложения, внести соответствующий проект на рассмотрение Госсовета². Это и было осуществлено в 1898 г.³ Затем его текст вошел в состав проекта Гражданского уложения, опубликованного в 1902 г.⁴

Позиция Государственного совета при рассмотрении в 1903–1904 гг. готового проекта

¹ Об этом см., например: Пахман С. В. Обычное гражданское право в России / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М., 2003. С. 477–478 ; Полянский П. Л. Деятельность III отделения по разрешению супружеских конфликтов // Государство и право. 2025. № 4. С. 198–208.

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1405. Оп. 539. Д. 600. Л. 1.

³ Вереманко В. А. «Семейные несогласия» и раздельное жительство супругов: проблема законодательного регулирования в России во второй половине XIX — начале XX века // Диалог со временем. 2007. № 18. С. 337.

⁴ Гражданское уложение. Книга вторая. Семейственное право : проект Высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения. СПб., 1902. Том первый. Ст. 1–349 с объяснениями. С. 207–261.

1898 г. резко изменилась, Редакционная комиссия была обвинена в попытке введения сложного иностранного института раздельного жительства супругов⁵, а проект — отклонен. Этот факт отсрочил принятие закона, дававшего возможность не подвергаться законным требованиям о возвращении к супругу в случае невыносимости сожительства, еще на 10 лет. Соответствующий акт, причем в серьезно урезанном виде, был принят лишь 12 марта 1914 г.⁶

Решение вопроса о том, насколько обвинение в копировании иностранного института в проекте 1898 г. было справедливым, важно для понимания сущности преобразований, происходивших в сфере брачного права в Российской империи. Институт раздельного жительства супругов вызывал много споров, и среди современников было распространено мнение, что Закон 1914 г. так и не создал нового института, «залатав дыры» в правоприменении в минимально возможном объеме⁷. Важно выяснить, действительно ли сопротивление появлению института раздельного жительства супругов было вызвано нежеланием вводить иностранную модель или оно объяснялось иными, конъюнктурными причинами.

Проект 1898 г. и обвинение в копировании иностранных образцов

Одной из причин поворота во мнении Государственного совета, еще недавно инициировавшего внедрение института раздельного жительства, а затем решительно его отвергшего, стал отзыв обер-прокурора Святейшего синода К. П. Победоносцева, внесенный в Государственный совет в 1902 г.⁸

В проекте отзыва, который был составлен юрисконсультом обер-прокурора Дылевским и доработан Победоносцевым, изначально указывалось, что предлагаемый в проекте институт «практически идентичен» римско-католическому отлучению от стола и ложа⁹.

К. П. Победоносцев в отзыве пошел дальше и в довольно язвительном тоне отметил, что в Российской империи не стоит вводить институт раздельного жительства только потому, что он есть в законодательстве иностранных государств¹⁰.

Вслед за обер-прокурором этот аргумент повторили и объединенные департаменты Государственного совета, решившие на заседании 1903 г. судьбу проекта Редакционной комиссии¹¹.

Эти обвинения не ограничивались заимствованием только из германского законодательства, однако, по-видимому, подразумевали именно его. При составлении проекта отзыва юрисконсульт обер-прокурора справлялся именно с нормами немецкого законодательства, подозревая заимствование оттуда¹². Кроме того, именно немецкие законодательные наработки по раздельному жительству супругов оказались ближе всего к российскому варианту. Именно на немецкий опыт ссылалась Редакционная комиссия, указывая на необходимость смягчения правила об обязательности совместной жизни супругов¹³.

Впрочем, имелись ли реальные основания для подозрений в заимствовании немецких образцов российским проектом 1898 г.?

В самом деле, в объяснительной записке Редакционной комиссии к проекту о раздельном жительстве супругов приводятся ссылки на многочисленные образцы иностранного

⁵ РГИА. Ф. 1162. Оп. 3. Д. 186. Л. 188 об.

⁶ Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1914. № 76. Отд. 1. Ст. 902.

⁷ Флейшиц Е. А. Новелла семейственного права // Право. 1914. № 14. С. 1121.

⁸ Григоровский С. П. О разводе. Причины и последствия развода и бракоразводное судопроизводство: Историко-юридические очерки. СПб., 1911. С. 317–328.

⁹ РГИА. Ф. 797. Оп. 91. Д. 53. Л. 73.

¹⁰ Григоровский С. П. Указ. соч. С. 325.

¹¹ РГИА. Ф. 1162. Оп. 3. Д. 186. Л. 188 об.

¹² РГИА. Ф. 797. Оп. 91. Д. 53. Л. 27–28 об.

¹³ Гражданское уложение. Книга вторая. Семейственное право. С. 165.

законодательства о раздельном жительстве супругов. Комиссия полагала, и, как представляется, вполне справедливо, что ознакомление составителей с регулированием в зарубежных странах, где институт раздельного жительства действовал давно и эффективно, пойдет только на пользу российскому проекту. При его подготовке были проанализированы нормы двух десятков юрисдикций, включая Венгрию, Сербию и даже Калифорнию. Разумеется, не были обойдены вниманием и законодательные акты немецкого происхождения, в том числе Германское гражданское уложение (далее — ГГУ).

Раздельное жительство супругов в Германии вызывало не меньше споров, чем в Российской империи. Изначально данный институт зародился в католическом церковном праве, полностью запрещавшем развод и предоставившем отлучение от стола и ложа (т.е. полное упразднение супружеских прав и обязанностей, кроме обязанности не вступать в новый брак) в качестве альтернативы расторжению брака.

В 1875 г. был принят общегерманский закон, введший обязательную регистрацию браков в гражданском порядке и установивший также правило, согласно которому во всех случаях, когда более раннее законодательство предусматривало раздельное жительство супругов, с момента вступления закона в силу должно было производиться расторжение брака¹⁴. Этим законом была упразднена возможность установления раздельного жительства супругов в Бадене, где действовал Французский гражданский кодекс¹⁵.

Данный закон принимался в сложной исторической обстановке, и достигнутое соглашение о введении единообразной процедуры и единственного способа расторжения брака во всех

землях и для всех конфессий было для законодателя серьезной победой.

Именно в соответствии с этим законом проект ГГУ, внесенный на рассмотрение в первом чтении (далее — первый проект ГГУ), стремился полностью отказаться от конфессионального подхода к браку и предполагал установление лишь временного раздельного жительства супругов как переходного этапа перед разводом (в качестве срока для примирения). Основания для расторжения брака и раздельного жительства различались, но отсутствие примирения в течение двух лет приводило к расторжению брака, и даже указанный двухлетний срок мог быть опущен при отсутствии надежды на примирение (§ 1444).

Под влиянием католической партии Центра¹⁶ итоговый текст ГГУ, так же как и Французский гражданский кодекс 1804 г., предусмотрел иное регулирование: были установлены одинаковые поводы для развода и раздельного жительства супругов. Немецкий законодатель отказался от предложенной в первоначальном проекте внеконфессиональной конструкции раздельного жительства супругов и вернулся к его католическому варианту.

Все указанные немецкие законотворческие материалы были известны российскому законодателю. Соотнесение норм проекта Редакционной комиссии о раздельном жительстве с итоговым текстом ГГУ было прямо указано в объяснительной записке¹⁷. Первый проект ГГУ в части, посвященной семейному праву, был издан вместе с мотивами в 1888 г. и использовался в России при законотворческой работе¹⁸, как и текст закона 1875 г.¹⁹

Представленный в первом проекте ГГУ перечень оснований установления раздельного жи-

¹⁴ *Toop H.* Ehescheidung und Aufhebung der ehelichen Gemeinschaft nach dem Bürgerlichen Gesetzbuch : Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde... Jena ; Borna ; Leipzig, 1908. S. 4–5.

¹⁵ *Motive zu dem Entwurfe eines Bürgerlichen Gesetzbuches für das Deutsche Reich.* Bd. 4 : Familienrecht. Berlin ; Leipzig, 1888. S. 562.

¹⁶ *Rajiћ M.* Преглед историјског развоја европске кодификације грађанског права // Европско законодавство. 2022. № 79. С. 37.

¹⁷ РГИА. Ф. 721. Оп. 2. Д. 280. Л. 20.

¹⁸ РГИА. Ф. 1162. Оп. 1. Д. 15. Л. 134 об.

¹⁹ РГИА. Ф. 797. Оп. 91. Д. 53. Л. 28 об.

тельства в чем-то пересекался с основаниями, перечисленными в российском проекте 1898 г.: например, общими поводами были жестокое обращение с супругом и нанесение тяжких оскорблений. Однако это совпадение объяснялось скорее сходными проблемами, которые имеют место в браках, независимо от времени и государства. Проект 1898 г. полностью строил перечень оснований для разрешения раздельного жительства на списке основных поводов, по которым в своей многолетней практике Канцелярия прошений на императорское имя (и предшествовавшие ей III отделение Императорской канцелярии и Комиссия прошений) выдавала отдельные виды на жительство супругам в порядке монаршей милости.

Впрочем, несмотря на сходство перечней оснований для раздельного жительства супругов, предложенные итоговым текстом ГГУ и российским проектом 1898 г. институты имели целый ряд сущностных различий.

Во-первых, как уже указывалось, в итоговом тексте ГГУ институт раздельного жительства супругов был закреплен в соответствии с католическим видением института. Католическая партия Центра при поддержке депутатов от Баварии, самой католической земли Германии, добилась сохранения института постоянного раздельного жительства для католиков Германии, которым развод был запрещен по религиозным основаниям. Следовательно, в ГГУ институт раздельного жительства супругов имел церковно-правовое происхождение.

При работе над проектом закона о раздельном жительстве в России сложилась обратная ситуация: Русская православная церковь сопротивлялась введению института раздельного жительства супругов, считая его не соответствующим православному учению о браке. Предложенный в проекте 1898 г. институт каноническими нормами предусмотрен не был, поэтому носил, в отличие от немецкого варианта, сугубо светский характер.

Во-вторых, в первом проекте ГГУ отдельное жительство супругов рассматривалось как переходный этап перед разводом, тогда как российский законодатель стремился увидеть в разлучении супругов альтернативу расторжению брака,

но никак не переходную ступень. В итоговом тексте ГГУ начало переходности в институте раздельного жительства было выражено гораздо слабее, чем в первом проекте, однако и здесь наблюдалось серьезное отличие: в ГГУ перечень поводов к разводу и раздельному жительству совпадал, а в русском проекте 1898 г. разлучение супругов было предусмотрено для тех случаев, когда развод был невозможен.

В-третьих, правовые последствия установления раздельного жительства супругов в Германии почти полностью соответствовали последствиям развода, не предполагая только возможности вступления в новый брак (§ 1586 ГГУ).

Российский вариант раздельного жительства супругов не предусматривал упразднения каких бы то ни было супружеских прав и обязанностей, кроме обязанности проживать совместно и корреспондирующего этой обязанности права оставленного супруга требовать возвращения мужа или жены к семейному очагу (ст. 1 проекта 1898 г.), а также обязанности мужа содержать жену, если совместная семейная жизнь стала невыносимой по вине жены (ст. 7). Также по российскому проекту планировалось освободить жену от необходимости получать согласие мужа на совершение сделок и иных юридически значимых действий при отдельном проживании.

В-четвертых, раздельное жительство родителей по немецкому законодательству никак не влияло на правовую связь между родителями и детьми, тогда как в России родительская власть в интересах единообразия воспитания отдавалась одному из родителей, у которого должен был остаться ребенок (ст. 9 проекта 1898 г.).

Таким образом, все основные линии сравнения моделей института раздельного жительства супругов, представленных в немецком законодательстве и российском проекте 1898 г., демонстрируют их сущностное несовпадение по содержанию. Следовательно, обвинение в заимствовании данного проекта, выдвинутое обер-прокурором Святейшего синода К. П. Победоносцевым, не соответствовало действительности. Кроме того, обер-прокурор сильно согрешил против истины, утверждая, что институт раздельного жительства предлагался к введению только из-за подражания зарубеж-

ным юрисдикциям и что проблемы супружеских разногласий вполне решались существовавшим на тот момент в России порядком. Против этой идеи свидетельствуют и многочисленные примеры из деятельности судебных и административных органов, и сам факт решения о составлении проекта о разрешении раздельного жительства на высочайшем уровне.

Такое лукавство со стороны К. П. Победоносцева можно объяснить общим негативным отношением ведомства Русской православной церкви к институту раздельного жительства супругов. К концу XIX в. она явно теряла нити духовного руководства обществом, во многом из-за ригидности брачно-семейной политики²⁰. В глазах церкви введение института раздельного жительства супругов выглядело как установление гражданской альтернативы разводу. Этот институт мог создать у общественности впечатление, что светская власть стремится облегчить положение подданных, поставленных церковными нормами в невыносимую брачную ситуацию. Это отвратило бы от церкви еще больше прихожан.

Таким образом, обвинение в иностранном заимствовании объяснялось в большей степени конъюнктурой и было выдвинуто, по-видимому, для придания веса аргументации против института раздельного жительства.

Вопрос о немецком заимствовании в Законе от 12 марта 1914 г.

Интересно, что в ходе длительного рассмотрения череды последующих проектов закона о раздельном жительстве супругов, создававшихся уже не Редакционной комиссией, а Министерством юстиции, церковное ведомство было удовлетворено лишь в 1910 г., когда из текста исчезло всякое упоминание о раздельном жительстве супругов как особом правовом положении и нормы стали регулировать лишь последствия фактически установившегося от-

дельного проживания мужа и жены²¹. Только в таком варианте церковные власти больше не видели вредных и бессмысленных иностранных заимствований, и он, с некоторыми несущественными изменениями, был принят в качестве Закона 12 марта 1914 г. (далее — Закон 1914 г.).

Здесь следует присмотреться к содержанию этого Закона: действительно ли в его тексте не наблюдается никаких иностранных заимствований?

Базовое положение Закона 1914 г., определившее содержание института раздельного жительства супругов в законодательстве Российской империи, включено в новую статью 103.1, добавленную в ч. 1 т. X Свода законов Российской империи. Эта статья сформировала целый список исключений из нормы об обязательности совместного проживания супругов (ст. 103 Свода законов Российской империи). Отныне супруг мог отказать в требовании о восстановлении совместного жительства на основании:

- жестокого с ним или с его детьми обращения другого супруга;
- нанесения тяжких оскорблений и вообще явного нарушения другим супругом основанных на браке обязанностей;
- явного злоупотребления принадлежащими ему в силу брака правами;
- бесчестного или порочного поведения другого супруга;
- тяжелой душевной болезни другого супруга либо такой прилипчивой и отвратительной болезни, которая представляет опасность для жизни либо здоровья членов семьи;
- такой болезни жены, при которой продолжение супружеского сожития представляется опасным для ее жизни или здоровья.

Закон 1914 г., в отличие от проекта 1898 г., отбросил некоторые основания раздельного жительства из практики Канцелярии прошений на императорское имя, например буйный характер и нетрезвое поведение, растрату имущества и вымогательство, порочный образ жизни, расстройство умственных способностей.

²⁰ Freeze G. L. Bringing Order to the Russian Family: Marriage and Divorce in Imperial Russia, 1760–1860 // The Journal of Modern History. 1990. Vol. 62. No. 4. Dec. P. 745–746.

²¹ РГИА. Ф. 1162. Оп. 3. Д. 186. Л. 232–233 об.

Посвященный раздельному жительству параграф 1575 итогового текста ГГУ не свидетельствует ни о каких совпадениях: если в России разлучение и развод допускались по разным причинам, то в ГГУ перечень поводов к разводу и раздельному жительству совпадал.

Гораздо больший интерес, с нашей точки зрения, представляет вариант статьи о раздельном жительстве, который был представлен в первом проекте ГГУ.

Параграф 1444 этого проекта предполагал введение временного раздельного жительства, если «супруг грубо нарушит свои супружеские обязанности по отношению к другому супругу, в частности подвергнет его жестокому обращению, поведет себя бесчестно или аморально, особенно совершив после заключения брака позорящее преступление или проступок, что приведет к настолько глубокому разрушению супружеских отношений, что продолжение брака для другого супруга станет невыносимым»²².

Очевидно текстуальное совпадение трех поводов в германском проекте и русском итоговом тексте Закона 1914 г.: грубое (явное) нарушение супружеских обязанностей, жестокое обращение, бесчестное или порочное поведение. Совпадает также именование общего основания для раздельного жительства — «ситуация, когда продолжение сожительства для другого супруга становится невыносимым».

Рассмотрим поводы к раздельному жительству, которые отсутствуют в германском проекте, но появились в русском Законе.

В дополнение к жестокому обращению Закон 1914 г. указывает тяжкие оскорбления. Здесь

необходимо прояснить разницу в содержании понятия «жестокое обращение» в России и Германии конца XIX в. Немецкий законодатель подразумевает под жестоким обращением (*schwere Mißhandlung*) как физическое насилие, так и оскорбления²³. В российской правовой действительности XIX в. понимание жестокого обращения в основном сводилось к физическому насилию²⁴. В такой ситуации при перенесении на русскую почву немецкой категории «жестокое обращение» ее содержание должно было бы быть разделено на два российских понятия: «жестокое обращение» и «тяжкие оскорбления». В объяснительной записке к проекту закона, внесенного в Государственную думу Министерством юстиции в 1911 г., министр юстиции И. Г. Щегловитов особо подчеркнул необходимость указания в законе тяжких оскорблений, чтобы у правоприменителя не возникло предположений о том, что «менее значительные нарушения <...> не могут служить достаточным основанием для признания совместной жизни невыносимой»²⁵.

Упоминание тяжких оскорблений подчеркивало, что супруги, ранее не находившие с точки зрения закона повода разойтись даже при угрозе жизни, отныне могли законно прекратить ставшее даже психологически невыносимым сожительство.

Впрочем, нельзя утверждать, что необходимость дозволения отдельного проживания из-за тяжких оскорблений была осознана в России лишь после знакомства с ГГУ. Например, уже в 1860 г. II отделение Императорской канцелярии, обсуждая возможность судебного разрешения

²² «Ist von einem Ehegatten in anderer als der in den § 1441 bis 1443 bezeichneten Weise durch schwere Verletzung der ihm gegen den anderen Ehegatten obliegenden ehelichen Pflichten, insbesondere durch schwere Misshandlung desselben, oder durch ehrloses oder unsittliches Verhalten, insbesondere durch ein nach Schließung der Ehe begangenes entehrendes Verbrechen oder Vergehen, eine so tiefe Zerrüttung des ehelichen Verhältnisses verschuldet worden, daß dem anderen Ehegatten die Fortsetzung der Ehe nicht zugemuthet werden kann, so ist der andere Ehegatte zur Trennung von Tisch und Bett zu verlangen berechtigt» (Entwurf eines bürgerlichen Gesetzbuches für das Deutsche Reich. Erste Lesung. Berlin ; Leipzig, 1888. S. 342–343).

²³ Motive zu dem Entwurfe eines Bürgerlichen Gesetzbuches für das Deutsche Reich. Bd 4. S. 575.

²⁴ Полянский П. Л. Семейно-правовые последствия жестокого обращения с женами у податного населения России в середине XIX в. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Юриспруденция». 2022. № 3. С. 53–55.

²⁵ РГИА. Ф. 1278. Оп. 6. Д. 125. Л. 27 об.

супругам проживать отдельно, указывало на оскорбление одним супругом другого как на одно из предполагаемых оснований для такого разрешения²⁶.

Не упоминаются в проекте ГГУ как поводы для раздельного жительства также тяжкая душевная болезнь, заразное или вызывающее отвращение заболевание, болезнь женщины, делающая супружеское сожителство опасным для ее жизни или здоровья.

Такое дополнение объяснимо русскими социально-правовыми реалиями. Раздельное жительство в связи с психическим заболеванием одного из супругов было законодательно разрешено еще в 1897 г.²⁷ Проблемы, связанные с принуждением жен мужьями к интимным отношениям, несмотря на венерическую болезнь мужа или заболевание жены, при котором противопоказано деторождение или половое общение, получили к концу XIX в. широчайшую огласку²⁸. Поэтому эти поводы к разлучению никак не могли быть пропущены в российском законе и с 1898 г. неизменно кочевали из проекта в проект.

Для понимания сущности такого повода к разлучению супругов, как злоупотребление своими правами, нужно обратиться к эволюции ст. 103.1 в череде изменений, вносимых в проекты с 1910 г. до принятия Закона 1914 г.²⁹

Проект закона о раздельном жительстве супругов, внесенный Министерством юстиции в Государственную думу в 1911 г., не содержал положения о злоупотреблении супружескими правами, так же как и первый проект ГГУ. В объяснительной записке к проекту министр юстиции И. Г. Щегловитов указал, что в статье было бы необходимо указать на то, что не всякое супружеское нарушение может быть основанием для разрешения проживать отдельно, а лишь

несовместимое с продолжением брака³⁰. Здесь министр осторожно отметил, что в качестве образца можно было бы использовать положение § 1568 и 1575 ГГУ, где дается разъяснение, что к расторжению брака или раздельному жительству приводят лишь те проступки, которые потрясают основы брака и делают требование продолжать совместное жительство несправедливым. Однако во внесенном министром проекте такого положения не появилось.

Но идея И. Г. Щегловитова была воспринята Комиссией по судебным реформам, куда проект был отправлен на доработку после внесения в Государственную думу. Комиссия, в отличие от министра, не постеснялась указаний на заимствование и добавила «по примеру Германского гражданского уложения» в статью возможность раздельного жительства не только при невыносимости продолжения сожителства, но и при «явном злоупотреблении одним из супругов своим правом»³¹. Также прямо ссылаясь на немецкую практику, где «по-видимому, <...> (судебное толкование. — М. Б.) не приводит к каким-либо затруднениям при применении», Комиссия отменила опасения о возможности слишком широкого толкования этой нормы в судах³².

При обсуждении проекта Комиссии по судебным реформам на заседании Государственной думы представитель Министерства юстиции предложил перенести добавленное комиссией положение о злоупотреблении супружеским правом из формата альтернативы невыносимости сожителства в общий список причин, эту невыносимость вызывавших³³. Так была получена формулировка ст. 103.1, которая с косметическими изменениями вошла в итоговый текст Закона 1914 г.

²⁶ РГИА. Ф. 1261. Оп. 2. Д. 866. Л. 22 об.

²⁷ ПСЗ-З. Т. XVII. № 14234.

²⁸ Лудмер Я. Бабы стоны (из заметок мирового судьи) // Юридический вестник. 1884. Т. 15. № 4 (апрель). С. 448–449.

²⁹ Закон 1914 г. вносил в т. X Свода законов Российской империи ст. 103.1.

³⁰ РГИА. Ф. 1278. Оп. 6. Д. 125. Л. 27.

³¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 6. Д. 125. Л. 61 об.

³² РГИА. Ф. 1278. Оп. 6. Д. 125. Л. 61 об.

³³ РГИА. Ф. 1278. Оп. 6. Д. 125. Л. 108.

Таким образом, за исключением нескольких поводов, отражавших социально-правовые реалии Российской империи, все положения ст. 103.1 в Законе 1914 г. имели текстуальное или смысловое соответствие § 1444 первого проекта или § 1568 итогового текста ГГУ.

Данное совпадение в совокупности с некоторыми указаниями на заимствование из ГГУ и сведениями о знакомстве с первым проектом позволяет высказать предположение об использовании германского опыта при разработке перечня оснований раздельного жительства.

Впрочем, если некоторая степень заимствования или взятия за образец при составлении проекта российского закона имела место, почему же министр юстиции не указал на это? Использование работающего на практике иностранного материала говорило бы только в пользу проектируемых положений.

Думается, причина умолчания была связана с желанием министра юстиции повысить жизнеспособность проекта на разных стадиях рассмотрения. Была свежа в памяти судьба проекта 1898 г., который оказался отклонен Государственным советом в основном из-за обвинений К. П. Победоносцева в копировании иностранного института.

Проект 1910–1911 гг. Министерство юстиции решило защитить от подобных обвинений разными способами, например, избавившись даже от упоминаний в тексте о неприемлемом для Русской православной церкви, но привычном за рубежом институте раздельного жительства. Так, проект 1910–1911 гг. и итоговый Закон 1914 г. формально лишь представляли исключение из

нормы об обязательности совместного проживания и регулировали фактически сложившиеся отношения, а не создавали новый режим.

Следовательно, отказ демонстрировать заимствование мог быть ходом, призванным не дать в руки противникам реформы аргумент о чуждости института раздельного жительства для России.

Таким образом, проект закона о разрешении раздельного жительства супругов 1898 г., отклоненный якобы из-за заимствования сложного иностранного института, на самом деле не давал поводов для такого обвинения. Тезис о копировании римско-католического, и в частности немецкого способа регулирования разлучения супругов, впервые прозвучавший в отзыве оберпрокурора Святейшего синода К. П. Победоносцева, на самом деле, вероятно, был лишь прикрытием нежелания допускать более простую светскую альтернативу сложному церковному разводу. Закон 1914 г., который не содержал упоминаний о самостоятельном институте раздельного жительства, но позволял отклонять иски о принудительном восстановлении сожительства при невыносимости последнего, был одобрен церковным ведомством. При этом текст данного Закона содержит гораздо более прямое указание на заимствование немецкого законодательного материала: перечень оснований для дозволения раздельного жительства, который в проекте 1898 г. опирался на практику российской Канцелярии прошений на императорское имя, в итоговом варианте имел текстуальные совпадения с таким перечнем из первого проекта ГГУ, опубликованного в 1888 г.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Веретенко В. А.* «Семейные несогласия» и раздельное жительство супругов: проблема законодательного регулирования в России во второй половине XIX — начале XX в. // Диалог со временем. — 2007. — № 18. — С. 328–352.
2. *Гражданское уложение. Книга вторая. Семейственное право* : проект Высочайше учрежденной Редакционной Комиссии по составлению Гражданского уложения. Том первый. Ст. 1–349 с объяснениями. — СПб., 1902. — 655 с.
3. *Григоровский С. П.* О разводе. Причины и последствия развода и бракоразводное судопроизводство: Историко-юридические очерки. — СПб., 1911. — 342 с.
4. *Лудмер Я.* Бабы стоны (из заметок мирового судьи) // Юридический вестник. — 1884. — Т. 15. — № 4 (апрель). — С. 447–467.

5. Пахман С. В. Обычное гражданское право в России / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. — М. : Зерцало, 2003. — 736 с.
6. Полянский П. Л. Деятельность III отделения по разрешению супружеских конфликтов // Государство и право. — 2025. — № 4. — С. 198–208.
7. Полянский П. Л. Семейно-правовые последствия жестокого обращения с женами у податного населения России в середине XIX в. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Юриспруденция». — 2022. — № 3. — С. 51–66.
8. Флейшиц Е. А. Новелла семейственного права // Право. — 1914. — № 14. — С. 1113–1129.
9. Freeze G. L. Bringing Order to the Russian Family: Marriage and Divorce in Imperial Russia, 1760–1860 // The Journal of Modern History. — 1990. — Vol. 62. — No. 4. — P. 708–746.
10. Motive zu dem Entwurfe eines Bürgerlichen Gesetzbuches für das Deutsche Reich. Bd 4 : Familienrecht. — Berlin, Leipzig, 1888. — 1274 S.
11. Rajiћ M. Преглед историјског развоја европске кодификације грађанског права // Европско законодавство. — 2022. — № 79. — С. 23–44.
12. Toop H. Ehescheidung und Aufhebung der ehelichen Gemeinschaft nach dem Bürgerlichen Gesetzbuch : Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde... — Jena ; Borna ; Leipzig. — 1908. — 56 S.

Материал поступил в редакцию 20 мая 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Veremenko V. A. «Semeynye nesoglasiya» i razdelnoe zhitelstvo suprugov: problema zakonodatel'nogo regulirovaniya v Rossii vo vtoroy polovine XIX — nachale XX v. // Dialog so vremenem. — 2007. — № 18. — S. 328–352.
2. Grazhdanskoe ulozhenie. Kniga vtoraya. Semeystvennoe pravo: proekt Vysochayshe uchrezhdennoy Redaktsionnoy Komissii po sostavleniyu Grazhdanskogo ulozheniya. Tom pervyy. St. 1–349 s obyasneniyami. — SPb., 1902. — 655 s.
3. Grigorovskiy S. P. O razvode. Prichiny i posledstviya razvoda i brakorazvodnoe sudoproizvodstvo: Istoriko-yuridicheskie ocherki. — SPb., 1911. — 342 s.
4. Ludmer Ya. Babi stony (iz zametok mirovogo sudi) // Yuridicheskiy vestnik. — 1884. — T. 15. — № 4 (aprel). — S. 447–467.
5. Pakhman S. V. Obychnoe grazhdanskoe pravo v Rossii / pod red. i s predisl. V. A. Tomsinova. — M.: Zertsalo, 2003. — 736 s.
6. Polyanskiy P. L. Deyatel'nost' III otdeleniya po razresheniyu supruzheskikh konfliktov // Gosudarstvo i pravo. — 2025. — № 4. — S. 198–208.
7. Polyanskiy P. L. Semeyno-pravovye posledstviya zhestokogo obrashcheniya s zhenami u podatnogo naseleniya Rossii v seredine XIX v. // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya «Yurisprudentsiya». — 2022. — № 3. — S. 51–66.
8. Fleyshits E. A. Novella semeystvennogo prava // Pravo. — 1914. — № 14. — S. 1113–1129.
9. Freeze G. L. Bringing Order to the Russian Family: Marriage and Divorce in Imperial Russia, 1760–1860 // The Journal of Modern History. — 1990. — Vol. 62. — No. 4. — P. 708–746.
10. Motive zu dem Entwurfe eines Bürgerlichen Gesetzbuches für das Deutsche Reich. Bd 4: Familienrecht. — Berlin, Leipzig, 1888. — 1274 S.
11. Rajiћ M. Pregled istorijskog razvoja evropske kodifikatsije graђанskog prava // Evropsko zakonodavstvo. — 2022. — № 79. — S. 23–44.
12. Toop H. Ehescheidung und Aufhebung der ehelichen Gemeinschaft nach dem Bürgerlichen Gesetzbuch: Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde... — Jena; Borna; Leipzig. — 1908. — 56 S.